

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ

Редакторъ-издатель Р. С. ЛЯХНИЦКІЙ.

№ 74 (1797).

Ревель. Четвергъ, 1 апрѣля 1926 г.

VII годъ изданія.

На дежурствѣ.

Ночь въ гаражѣ началась обычно: сначала приѣхали автокары отелей, поспѣ — нѣсколько „люксовъ“ — собственников. Затѣмъ на цѣлый часъ — пауза. Тишина. Большие сотни автомобилей всѣхъ марокъ и всѣхъ типовъ стояли рядомъ, и только на серединѣ, возлѣ кра- — два еще не вымытыхъ.

Тарахтѣлъ по цинковой крышѣ дождь.

Каждый сутки, отъ семи вечера и до семи утра здѣсь оставался одинъ Володя: высокий, курносенькій блондинъ въ синей курткѣ и деревянныхъ сабо. Всю жизнь онъ собирался быть актеромъ, а пришлось сдѣлаться лавѣромъ. Уже третій мѣсяцъ продолжалось его ночное дежурство. Спать можно было цѣлый день, но всегда приходилось кое-гдѣ побывать, кое-что кушать, и хотѣлось погулять, погулять въ европейскомъ костюмѣ, какъ всѣ.

Очень тяжело бывало послѣ полуночи: невыносимо тянуло подремать, болѣли всѣ кости, и казалось, что въ глаза попала негашеная известь.

Володя зарабатывалъ хорошо, но впереди ничего не было видно: допекало одиночество, и никогда въ театръ нельзя было попасть. За ночь онъ перечитывалъ всѣ три русскія газеты изъ Парижа и особенно театральныя отдѣлы. Когда же въ киоскъ предлагали и четвертую газету, тоже напечатанную русскими буквами, то Володя ласково улыбался и проинвоисилъ:

— Ce n'est pas russe.

Друзей у него было мало.

Днемъ случалось, что Володя игралъ въ шахматы съ бывшимъ поручикомъ и шоферомъ, чахоточнымъ и безработнымъ, вѣчно харкающимъ и плюющимъ, но всегда веселымъ, но теперь и его отправили куда-то въ санаторію возлѣ Ментоны.

Былъ у Володи еще пріятель — не пріятель, а такъ, хорошій знакомый, вдвое его старшій, когда-то извѣстный всей Москвѣ художникъ-декораторъ Ивановъ, теперь жившій, какъ онъ самъ выражался, „лишь послѣдствіями своей знаменитости“.

Душа художника не постарѣла одновременно съ тѣломъ — веселый и подвижной, онъ больше напоминалъ французъ, и всегда у него была „petite amie“. Володю Ивановъ любилъ за преданность театру.

Въ началѣ февраля, на третій день карнавала вмѣсто дождя вдругъ наступила чудесная погода, и радостно запахло весной, какъ въ Россіи въ самомъ концѣ апрѣля.

Надъ всей Нищей колыхалось пурпурное зарево иллюминаціи, а на главной улицѣ можно было оглохнуть отъ смѣха и голосовъ рабочей молодежи. Точно розовымъ снѣгомъ были засыпаны конфетти не только тротуары, но и вся сплошь мостовая. Пьерро и пьеретты бѣжали, пѣли и насвистывали, иные останавливали пару мирныхъ, пожилыхъ буржуа и, окруживъ испуганныхъ супруговъ, безъ передыха кричали:

— Embrassez, embrassez!

И не отпускали, пока тѣ не цѣловались.

А Володя въ эту ночь, какъ и всегда, сидѣлъ въ гаражѣ. Чувствовалось особенно одиноко и жутковато, будто кто-то невидимый стоитъ за спиной. Володя пробовалъ читать, но не могъ и курить одну за другой „Marylands gauloises“ до того, что уже хрипѣло въ горлѣ. Болѣли и глаза. И ясно показалось, будто въ гаражѣ вошли: мужчина въ сѣрой шляпѣ и дама съ красной розой на мѣховомъ воротникѣ, а шаговъ не было слышно. Но сейчасъ же раздался голосъ Иванова:

— А мы зашли вась навѣстить... Моя petite amie не хочетъ смотрѣть на карнавалъ, потому что ея маскарадный костюмъ не поспѣлъ къ сегодняшнему вечеру... И даже плакала.

Володя улыбнулся и пошелъ навстрѣчу, постукивая деревянными башмаками: — Позвольте вамъ представить мадемуазель Тина. Познакомилась мы съ ней потому, что оба любимъ Ламартина... Дда... И это — совсѣмъ не каламбуръ. Ей Богу, я прочелъ въ первый разъ „Грациелу“ только оттого, что Тина дала мнѣ эту книжку, когда работала въ качествѣ горничной въ нашемъ отелѣ.

Женщина недовѣрчиво подняла свои черныя рѣсницы и протянула Володѣ руку:

— Bonsoir, monsieur.

— Ну, пойдете, господа, въ мое бюро, — сказалъ Володя и добавилъ, — ахъ, какъ вы хорошо сдѣлали, что зашли, ахъ, какъ хорошо... А мнѣ уже хотѣлось повѣститься.

— Ivane, mais qu'est-ce qu'il dit? — грустно и нараспѣвъ спросила француженка.

Художникъ перевелъ.

— Ah — снова пропѣла Тина.

Въ бюро глухо и печально чикали большіе контрольные часы, было здѣсь всего два стула и столъ, на которомъ валялись какіе-то документы. Пахло бензиномъ и табакомъ. Когда гости сѣли, Володя снова закурилъ и сказалъ:

— Да, вамъ хорошо, вы все-таки — не одинъ... И давно у васъ эта любовь?

— Съ полгода... До сихъ поръ не понимаю, что она во мнѣ нашла. Впрочемъ, и самъ не знаю, что я нашелъ въ ней, а вмѣстѣ намъ хорошо и уютно. Видите, маленькая, шуленькая, некрасивая и кровью кашляетъ, но великая франтиха: послѣднія деньги истратить, только чтобы быть одѣтой по модѣ и со вкусомъ. А вкуса у нея больше, чѣмъ у нашей бывшей губернаторши, хотя Тина — всего только горничная. Настоящее ея имя Августина. Когда я ее увидѣлъ въ первый разъ, то послѣ долго думалъ, кого она мнѣ напоминаетъ... И вдругъ вспомнилъ. „Джіоконду“ изъ Лувра. Посмотрите, носъ точно такой и рѣсницы. Некрасивая красавица. А главное зрѣчки — безъ словъ говорятъ...

Услыхавъ слово „Джіоконда“, Тина молча улыбнулась своимъ маленькимъ ртомъ — поняла, что говорить о ней, и снова также грустно и нараспѣвъ спросила:

— Ivane, mais qu'est-ce que tu dis?

Художникъ отмахнулся рукой:

— Когда я постукивалъ въ московское училище живописи и ваянія, то мнѣ казалось, что я сдѣлаюсь портретистомъ, а не декораторомъ, и что моя миссія будетъ увѣковѣчивать необыкновенныя лица, тѣ лица, въ которыхъ вложены элементы божества. А теперь вотъ пробо-

валъ ее зарисовать, да не удается, можеть потому, что слишкомъ близка, и каждая черточка ея лица мнѣ извѣстна и не поражаетъ... Помолчали.

— Много народу на улицахъ? — спросилъ Володя.

— Ужась. Какъ черви кишатъ. На площади Массена прямо Ходынка, и каждую минуту пристають „Embrassez“ — чтобы цѣловаться. А я не люблю этихъ вещей всенародно.

— Ну что жъ, мѣстный обычай, — произнесъ Володя, — въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходять.

— Вотъ оттого мы тамъ и не ходимъ, а пришли къ вамъ. Ваша rue Goupod даже и въ эту ночь тихая, хорошая улица въ честь композитора, который сумѣлъ музыкой передать, какъ старикъ Фаустъ влюбился въ Маргариту. Вѣдь это вѣчно... И со мной что-то похожее...

— Дда?... улыбнулся Володя.

Художникъ вдругъ замолкъ, поднявъ указательный палецъ правой руки и почти шопотомъ произнесъ:

— А знаете, чѣмъ еще замѣчательна ваша улица?

Володя отрицательно дернулъ плечомъ.

— Въ домѣ № 9 на этой самой улицѣ Гуно Антонъ Чеховъ заканчивалъ свою чудесную пьесу „ТРИ СЕСТРЫ“, и отсюда же она и была послана въ Москву, въ нашу милую Москву, въ которой сейчасъ эти „ТРИ СЕСТРЫ“ сняты съ репертуара, какъ пьеса вредная. Въ томъ самомъ театрѣ, гдѣ и теперь подвизается жена Чехова. Помните ее въ роли Маши?

Художникъ тряхнулъ козлиной, сдѣланной бородой и, подражая Вершинину-Станиславскому, запѣлъ на мотивъ — „Люби всѣ возрасты покорны“: трамъ,

тамъ-тара-тамъ-тамъ. Замолчалъ, вздохнулъ и скороговоркой закончилъ: „Эхъ, Господи... Дожили“...

Августина закашлялась и вытерла губы. Художникъ посмотрѣлъ и сказалъ: — Ну, вотъ опять кровь — на платкѣ...

— Oh, mais ça ne fait rien — отвѣтила француженка, — mais je suis un peu fatiguée, est c'est tout...

— Хорошо „rien“.

Женщина улыбнулась и уже веселѣе произнесла по-французски:

— Я знаю, вы говорили о своей роднѣ или о театрѣ.

— Ну, вотъ видишь, — переходя на ты, сказалъ Володѣ художникъ, — ни одного слова не поняла, а все угадала.

Она легонько потянула художника за рукавъ:

— Ivane, j'ai sommeil... Пойдемъ. Я послѣднія двѣ ночи почти совсѣмъ не спала: ужасно много было работы. Весь отелъ набить. Разгаръ сезона. Звонки.

Чуть коверкая произношеніе, Володя отвѣтилъ также по-французски:

— Но, мадемуазель, что же тогда долженъ сказать я, правда, по своей винѣ, но не спавшій уже пять ночей?

— Ah c'est la vie — отвѣтила Августина. — Nous travaillons comme des fous, et nous nous amusons le même. Au revoir, monsieur — и опять вытерла губы бѣлымъ платкомъ съ красными пятнами.

Всѣ встали. Володя пошелъ провожать гостей до угла улицы Гуно.

Бобисъ Лазаревскій.

Низца.